

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

А.К.Иванов

В новейшей истории все чаще встречается термин "информационное пространство". Однако демонстрируются несколько разные подходы к этому понятию. В связи с этим Генеральный секретарь Кофи Аннан привел эти данные в своем докладе. На Саммите тысячелетия встает вопрос о формировании единого теоретического понятия информационного пространства. Целью этого шага является не само по себе определение, а полное исследование сути этого явления, и на этой основе разработка практических выводов относительно его правового регулирования. Несмотря на наличие попыток определения понятия информационного пространства, упоминавшихся выше, необходимое и достаточное определение еще не выработано.

Основами для рассмотрения категории информационного пространства являются понятия информационного общества и виртуальности. Понятие о глобальном информационном обществе закреплено в международном документе: Окинавской хартии глобального информационного общества [1], уже упоминавшемся выше. На основе анализа текста Хартии можно сделать следующие выводы: информационное общество - это результат экономической и социальной трансформации, стимулируемой информационно-коммуникационными технологиями; информационное общество характеризуется изменением образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества (п. 1, 2); его важнейшими признаками является обстановка открытости, повышение уровня доступности власти для всех граждан (п.6), развитие конкуренции, трансграничной электронной торговли и открытие рынков, защита интеллектуальной собственности, защита частной жизни при обеспечении свободного потока информации (п.7).

В Окинавской хартии использовано и понятие, близкое к рассматриваемому в настоящей работе понятию информационного пространства - киберпространства. В п.8 Хартии отмечается необходимость "создания безопасного и свободного от преступности киберпространства". Что же это такое? На основе дальнейшего анализа п.8 Хартии, можно увидеть, что в качестве синонима это

понятия используется понятие "компьютерная сфера". Поэтому мы можем сделать вывод, что под киберпространством здесь понимается часть глобального информационного пространства, связанная компьютерной инфраструктурой, прежде всего Интернет. Следует отметить, что это наиболее быстро развивающаяся в информационном мире инфраструктура, которая постепенно охватывает и другие, традиционные, виды связи.

Основной проблемой, ради решения которой и была принята Хартия, является преодоление так называемого электронно-цифрового разрыва. Суть этой проблемы заключается в том, что для обеспечения возможности осуществления права человека на информацию, и, в конечном счете, права на участие в глобальном информационном обществе, необходимо обеспечение широкого доступа к инфраструктуре коммуникаций. При этом в обеспечении доступа у стран с разным уровнем промышленного и технологического развития имеются неодинаковые возможности. В п. 9 Хартии отмечается, что гражданское общество признает необходимость ликвидации этого разрыва. Таким образом, гражданское общество связывается с развитием возможности для реализации права на информацию.

При исследовании подходов к понятию информационного пространства необходимо сделать одно важное пояснение. В обыденной жизни, несвязанной с телекоммуникационной сферой, под понятием пространства имеется в виду, как правило, пространство физическое, то есть открытый ландшафт местности, открытый океан, космос. Информационное пространство, конечно, нельзя увидеть или пощупать так же, как физическое пространство. Математики под пространством именуют наоборот, абстрактное множество определенных единиц, построенное в соответствии с заданными правилами. Впрочем, математическое определение для наших целей напрямую применить нельзя. Но все чаще мы слышим употребление понятия информационного пространства в правовых актах, в научных статьях по социальным наукам. Почему же оно вошло в лексикон и терминологию социальных наук? На наш взгляд,

это объясняется с помощью категории виртуальности.

Виртуальное пространство, согласно изложенному Майклом Хаймом [2] пониманию, "содержит информационный эквивалент вещей". "Виртуальный" в данном случае означает "представляемый". Иными словами, информационное пространство - это когда оно отражается в сознании индивида. И поэтому только человек в своем представлении определяет широту и содержание информационного пространства. Именно такое представление о существовании глобального информационного пространства наиболее ценно для права в целом и международного права в частности, ибо оно связывает информационное общество, информационное пространство и информационные права личности. Другие же подходы, например, показанный выше территориальный подход, технологический или функциональный, ему в принципе не противоречат, они также имеют право на существование, поскольку раскрывают это понятие с разных сторон.

Информационное пространство складывалось и до появления электронных средств. Но многие его свойства, например, трансграничность появились с приходом радио, а возможная анонимность участников общения - с приходом цифровых технологий.

Ключевым вопросом, определяющим не только многие аспекты частного права, но и вопросы реализации прав человека в информационной сфере, является вопрос юрисдикции в информационном пространстве. Если в частном праве юрисдикция определяет применение права того или иного государства к частно-правовым отношениям, и эти вопросы рассматриваются всегда достаточно подробно, то в публичном праве в области информации вопрос юрисдикции важно рассмотреть с целью определения, кто может устанавливать границы осуществления права человека на информацию, какова роль государства и международного права в реализации этого права.

Международное право и глобальное информационное пространство связаны в теории, предложенной Дареллом Менте в своей работе [3]. К понятию информационного пространства, или киберпространства, автор предлагает подход, который можно назвать "функциональным". Предлагается исходить из того, что информационное пространство выполняет функцию приема, передачи и хранения информации, помещенной в него любым человеком в мире и затем доступной для

любого человека, если он сможет ее найти. Поскольку родиной глобальной информационной сети является США, в праве этого государства мы можем найти наиболее проработанное понятие информационного пространства. В своей работе Д. Менте ссылается на постановление Верховного суда США по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона о благопристойности коммуникаций. Суд в своем решении дает определение киберпространства. Указывая на различные способы и методы распространения информации, такие как электронная почта, электронные доски объявлений и пр., суд заключает, что "взятые вместе, эти средства образуют уникальный носитель - известный своим пользователям как "киберпространство" - не расположенный ни в одном конкретном географическом местоположении, но доступный любому человеку в мире, с доступом в Интернет" [4]. Следует отметить, что данное определение сводится к понятию Интернета, но это объясняется как рамками рассматриваемого дела, так и тем, что Интернет становится глобальным средством передачи информации и постепенно другие, традиционные виды передачи информации начинают осуществляться техническими средствами Интернет.

Относится ли данное определение к науке международного права? Д. Менте в указанной работе излагает теорию интернациональных пространств, к которым, по его мнению, относятся Антарктика, космическое пространство и открытое море. Автор утверждает, что с точки зрения юрисдикционного анализа, киберпространство должно считаться четвертым интернациональным пространством.

Действительно, территории, которые не являлись территорией какого-либо государства, имели общее значение для всех государств, в международном праве регламентировались либо международным обычаем, либо международным договором. Те обычаи, которые складывались, например, в международном морском праве, (в частности, свобода судоходства в открытом море) близки по своей сути сложившимся в киберпространстве. Правила, которым подчиняются открытое море, космос и Антарктика, содержат общее - на них в целом не распространяется государственный суверенитет какого-либо одного или группы государств. В то же время, в отношении каждого из этих пространств сейчас существуют системы международных договоров

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

и соглашений, а в отношении киберпространства - пока нет.

Концептуальное отличие киберпространства от других интернациональных пространств - то, что оно не является физическим. Однако это не должно стать препятствием этой теории, потому что, как отмечает Д. Менте, и среди физических пространств, таких как море, суша, или космос, мало физического сходства, но тем не менее они имеют сходный правовой режим. Этот режим должен быть распространен и на информационное пространство, даже в отсутствие специализированного международного соглашения, считает Д. Менте.

Определенным недостатком приведенной работы, по нашему мнению, может служить то, что она разрабатывалась автором в основном в целях разрешения конфликта права в области частно-правовых отношений и юрисдикции судов. Тем не менее, предложенные теоретические положения идут гораздо дальше и дают возможность сделать вывод о том, что ни одно государство не вправе регламентировать содержание информационного пространства, поскольку это пространство доступно из любого государства, его правовой статус должен стать предметом международного права, также, как правовой статус других интернациональных пространств. Вместе с тем, нельзя согласиться с автором, что это пространство может быть признано интернациональным без специальных международных соглашений.

В рамках международного частного права Гагской конференцией международного частного права [5] разрабатывается Гагская конвенция о юрисдикции и международных разбирательствах (Hague Convention on Jurisdiction and Foreign Judgments) [6]. В комментариях, появившихся недавно, утверждается, что проект конвенции выходит далеко за рамки международного частного права и затрагивает свободу информации в глобальном информационном обществе. В комментарии известного журнала ZDNET Review [7] очерчена суть проблемы: "он (договор - Д.С.) требует, чтобы страны согласились соблюдать относящиеся к разным сферам деятельности законы друг друга. Таким образом, суды должны будут отстаивать соблюдение законов о торговле всех 52 стран-участниц, даже если они противоречат местным законодательствам". Также приводится известный пример дела Yahoo, в котором французский суд признал незаконными действия американской компании, которая (говоря в целом)

публиковала в Интернете информацию, которая по законам США не была запрещенной, а по законам Франции была запрещенной. В результате компания была вынуждена прекратить распространение информации на весь Интернет, поскольку в Интернет ограничить распространение информации какой-либо территорией государства принципиально невозможно.

Юристам может показаться, что такой запрет справедлив, ибо государство обладает суверенитетом на своей территории. Однако, такое решение нарушает права граждан других государств на свободу информации. В условиях, когда каждое государство будет вправе единолично установить запрет на распространение какой-либо информации в общем мировом информационном пространстве, о свободе распространения информации можно будет забыть. Работа над проектом Конвенции пока еще не завершена, она идет уже многие годы, и вероятно, в ближайший год принятия договора ожидать не придется. Противниками принятия в большей степени, судя по всему, выступают США. С их стороны было высказано опасение, "что граждане США могут потерять многие из своих прав, если всем веб-сайтам придется соблюдать более строгие законы вроде тех, на которых настаивают Китай или Марокко" [7]. Каков же может быть выход из описанной ситуации? Единство мирового информационного пространства можно сохранить только если категории информации, запрещенные к распространению, будут определены принципами международного права.

В международном праве сложились определенные принципы международного информационного обмена, в том числе электронными данными. Вместе с тем, необходимо отметить, что современные тенденции информационного обмена влияют на их содержание и, что особенно необходимо отметить, на способы реализации этих принципов. Возникшее представление о глобальном информационном пространстве и информационных правах личности заставляют по-новому подойти к роли государства и индивида в регулировании свободы информации.

Многие авторы, в особенности в 80-е годы, достаточно однозначно трактовали роль государства в международном информационном обмене. Например, С.М. Грохальски придерживался мнения о необходимости принятия конвенции, "в которой должен быть указан перечень видов запрещенной информации, с учетом того, что он не является исчер-

пывающим... Каждое государство имеет право на применение таких принципов в области информации внутри своей страны, которые вытекают из его строя и Конституции... (и) имеет право применять меры в отношении той информации, которая поступает из-за границы по своему усмотрению" [8].

Практически повторяет его тезис и С.О. Шевцова: "Государство имеет право контролировать поступление зарубежной массовой информации на свою территорию, определять допустимость или недопустимость распространения на его территории той или иной информации и ограждать свое население от нежелательной иностранной массовой информации" [9]. Если рассмотреть эти позиции в контексте классической теории международного права, которая формировалась в СССР в годы холодной войны, то выглядят подобные доводы очень обоснованно и убедительно, пользуются этими доводами и по сей день.

Тем не менее, практика показывает, что государство либо не может обеспечить полный контроль за проходящей его границы информацией, либо оно должно стать тоталитарным и полностью выйти из международного информационного обмена. Здесь мы также должны вспомнить, что, как уже было сказано выше, замкнутость информации тоталитарного общества представляет угрозу международной безопасности, например, это хорошо прослеживалось в действиях талибского правительства в Афганистане.

Существуют попытки таких государств, как Китай и Австралия, ограничить распространение информации через свои границы, сохранив при этом доступ в Интернет. Отдельные попытки предпринимаются и в других странах. Используются специальные шлюзы, которые ограничивают доступ к определенным их администраторами ресурсам или наоборот, разрешают доступ к определенным ресурсам, запрещая доступ к остальным ресурсам [10]. Суть сложившейся в 1995-1999 годах архитектуры Интернет в том, что эти ограничения технически достаточно прозрачны: "Практически все пользователи в Китае поставлены в такие условия, что любое нарушение инструкций и запретов несет за собой самые суровые санкции... Самое интересное, что доступ к мировым ресурсам физически не ограничивается вообще... Безусловно, при наличии желания и умения китаец может выйти на мировые ресурсы и взять там ту самую "крамолу" в виде порнографии, речей Далай-ламы или статей китайских дисси-

дентов" [10]. В мире достаточно широко распространилось убеждение, что новые технологии, прежде всего, Интернет, стали принципиально открытыми и они являются уникальным средством в борьбе за утверждение права свободного поиска и распространения информации.

С ростом технологической мощи информационных систем, ситуация стала меняться. Э. Гутман дает анализ развития ситуации с контролем над Интернет в Китае. При содействии такой американской компании, как Cisco Systems, которая выпускает мощное коммуникационное оборудование, властям Китая удалось организовать систему шлюзов на всех коммуникационных каналах Интернет и таким образом заблокировать доступ своих граждан к ресурсам, выбираемым их политическим руководством [11]. В некоторых других странах также реализуются подобные проекты. Данная технология развивалась изначально как технология блокирования вирусов, но нашла применение в блокировании доступа к информации. Этот пример показывает, что технологии могут быть использованы не только как средство утверждения и реализации права на информацию, но и как средство установления тотального контроля и предварительной цензуры, что является недопустимым с точки зрения прав человека. Тем не менее, даже с учетом приведенных выше возможностей контроля, существуют различные технологии, которыми можно воспользоваться для обхода системы шлюзов. Эти системы создаются теми, кто не может смириться с подобными ограничениями, и число и сложность таких систем растет.

Собственно говоря, приведенный пример не сводится только к Интернет. Радиозфир также несет часть глобального информационного пространства и ограничения в нем (глушение радиостанций, прослушивание) также имеет определенные технические возможности, хотя и не может дать достаточных для полного контроля результатов.

Везде, где государство пыталось ввести жесткие ограничения на трансграничный обмен информацией, оно либо терпело полную неудачу (область примеров - от СССР до правительства талибов в Афганистане), либо вынуждено поддерживать запреты технологическими мерами, административными или уголовными наказаниями (например, Китай).

Вместе с тем, в международном праве существуют ограничения на определенные виды пропаганды, например, пропаганды войны, которым необходимо следовать. Ка-

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ким же образом возможно реализовать существующие ограничения в условиях, когда государства не могут разделить границами информационное пространство, как бы им этого ни хотелось? Представляется, что необходимые ограничения можно реализовать только в международном сотрудничестве, при котором государства будут осознавать единство информационного пространства и, признавая этот факт, нести совместную ответственность за его существование, учитывая также то, что для обеспечения мира и безопасности должен использоваться целый комплекс мер, включая образование людей, предоставление правдивой и разносторонней информации, а не одни лишь запреты.

Проблема "обеспечения национального информационного суверенитета" является весьма важной на современном этапе. Прежде всего, в плане соотношения государственного суверенитета и универсальных прав человека. В международном праве под суверенитетом понимается верховенство во внутренних делах и независимость во внешних делах. Возможен ли информационный суверенитет государства в условиях глобального информационного пространства? Что он в таком случае будет означать? Если исходить из исторического понимания суверенитета государства, существовавшего до возникновения понятия об универсальных правах личности, государство вправе делать со своей территорией и со своим населением все, что заблагорассудится его правительству, то соответственно и информационный суверенитет означал бы возможность государства определять возможность или невозможность доступа практически к любой информации. При этом границы государства должны быть закрыты от любой информации, фактически устанавливая железный занавес, при котором говорить о глобальном информационном пространстве невозможно. Соотношение государственного суверенитета и универсальных прав личности является одной из основных современных теоретических проблем международного права. В современном мире происходит "переоценка соотношения между свободой информации и правом государства контролировать распространение информации" [12, с. 86]. Е.В. Собакина определяет такую тенденцию: "Универсальная концепция государственного суверенитета всегда предполагала право государства контролировать и распоряжаться своими информационными ресурсами и определять политику в области информации и коммуникации. Однако в по-

следнее время сфера применения этой концепции в области информации и коммуникации постепенно сужается: коммуникация и передача данных приобрели международный масштаб, некоторые природные ресурсы объявлены международными, например, геостационарная орбита" [13, с. 140].

То, что информационный суверенитет государства не может быть абсолютным, мы можем найти и в работах В.А. Карташкина. Он, в частности, утверждает: "Нельзя согласиться, что вопрос о правах человека входит во внутреннюю компетенцию государств" [14, с. 8]. Объяснение этому также лежит в плоскости понимания суверенитета: "взгляды Гегеля, что национальное государство "есть абсолютная власть на Земле" ... широко использовались для оправдания тоталитаризма и фашизма, необузданного произвола в международных отношениях" [14, с. 6].

Можно сказать, что на современном этапе международное признание права на информацию определяет само наличие интернационального информационного пространства, и установление государством железного занавеса в отношении информации противоречит международному праву.

В отношении деятельности государств и саморегулирования информационного пространства наиболее интересным документом является Декларация независимости киберпространства Джона П. Барлоу, написанная как ответ на попытки властей США поставить под контроль киберпространство: "Правительства получают полномочия из согласия управляемых. Вы его не спрашивали, и не получали от нас. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас, вы не знаете наш мир. Киберпространство не находится внутри ваших границ. Не думайте, что вы можете строить его, как если бы это был проект общественной постройки. Вы не можете этого делать. Это - явление природы, и оно растет само по себе через наши коллективные действия.

Мы создаем мир, в который все могут вступить без привилегий или предубеждений, порожденных расовыми различиями, экономической властью, военной силой или местом рождения. Мы создаем мир, где любой и везде может выражать его или ее убеждения, независимо от того, насколько он необычен, без страха быть принужденным к молчанию или конформизму" [15].

Этот документ нельзя, разумеется, рассматривать как аргумент в пользу вседозволенности и отрицания права, однако он демонстрирует нам, как осуществление свобо-

ды информации гражданами разных государств привело к созданию глобального информационного пространства.

Еще одно важное понятие, складывающееся в международном праве по отношению к некоторым интернациональным пространствам и информационным объектам - общее наследие человечества. Б. М. Клименко, например, выделял [16, с. 176] ресурсы континентального шельфа и космическое пространство в качестве общего наследия человечества. По его мнению, при возникновении объектов общего наследия человечества "речь шла об использовании новых пространств, куда не ступала нога человека, и предстоял принципиально новый подход к решению проблемы использования этих пространств" [16, с. 6]. Принцип общего наследия человечества, как он изложен Б.М. Клименко, перекликается с идеей интернациональных пространств: "район общего наследия человечества не подлежит какому-либо присвоению государствами, юридическими и физическими лицами, а разработка его ресурсов подчиняется особым международным правилам, которые учитывают интересы всего международного сообщества" [16, с. 4].

Такой принцип можно также отнести и к глобальному информационному пространству: ограниченные ресурсы, которые используются для коммуникации (например, геостационарные орбиты спутников, радиозфирные частоты) должны использоваться в интересах реализации права на информацию на справедливой основе.

И.И. Лукашук, раскрывая понятие общего наследия человечества, как совокупности принципов и норм, определяющих основы правового режима международных пространств и ресурсов, находящихся в распоряжении международного сообщества, не выделяет его как отдельную отрасль международного права, он утверждает, что это "скорее общая часть ряда современных отраслей международного права" [17, с.132]. Тем не менее он выделяет целый ряд объектов общего наследия человечества, таких как открытое море, морское дно (за пределами действия национальной юрисдикции), космическое пространство, атмосферный воздух, Антарктика. И.И.Лукашук отмечает: "Нет сомнения, что принцип общего наследия получит дальнейшее развитие и ляжет в основу международного правопорядка" [17, С.133]. Он выделяет важнейшее для рассматриваемой в настоящей работе проблемы положение в списке объектов общего наследия че-

ловечества - он признает: "Вполне вероятно появление новых сфер, например, электронной среды, имеющей решающее значение для телекоммуникаций" [17, с. 132].

Вместе с тем, информационное пространство, а вернее люди, которые его создали и поддерживают, подвержены различным рискам, прежде всего риску информационного воздействия. Как человеческий интеллект, так и общество по сути являются самообучающимися информационными системами. Чтобы управлять их поведением, достаточно дать им определенную информацию. Как утверждает С.П. Расторгуев "...целенаправленное, умышленное информационное воздействие может привести систему к необратимым изменениям и самоуничтожению" [18]. Международное право, занимаясь, среди прочего, и глобальной безопасностью, может дать определенные средства решения этой проблемы.

Российскими учеными в 1993 году был предложен проект Конвенции "О запрещении военного или иного враждебного использования методов и средств воздействия на инфосферу" [19, с. 23]. Проект рассматривался на нескольких форумах, однако до настоящего момента не получил должного признания. Необходимо выяснить, насколько он может способствовать развитию международно-правового регулирования в данной сфере, а также каковы направления его совершенствования.

Весьма близкой к данному проекту является Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 года [20], что еще раз подчеркивает общность подходов к ресурсам и сферам, важным для всего мирового сообщества. Следует отметить, что ее положения закрепляют лишь обязательства общего характера, но в международном праве уже существует понимание многих вопросов экологического права, если же говорить об инфосфере, то степень проработки вопроса в международном праве меньше, поэтому в рассматриваемом проекте конвенции следует более четко определить многие моменты.

В преамбуле проекта Конвенции авторы ставят ряд значительных задач: внести вклад в упрочение мира, углубление доверия между народами, общего прогресса социума и в дело дальнейшего оздоровления международной обстановки; устранить опасности для человечества от использования военного или иного враждебного воздействия на инфосфе-

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ру. Исходными положениями преамбулы являются утверждения, что мировой прогресс осуществляется в направлении построения технотронно-информационного общества, главным элементом базиса которого является инфосфера; научно-технические достижения могут открыть новые методы и средства враждебного воздействия на нее (информационное оружие); такое воздействие может инициировать глобальные техногенные катастрофы и привести к уменьшению запаса кризисной стабильности и изменению военно-стратегического паритета.

Данные положения в принципе являются бесспорными, что подчеркивает важность и необходимость подобного международно-правового акта. Изложенные задачи полностью согласуются с такими признанными принципами международного права, как принцип неприменения силы и угрозы силой в международных отношениях, принцип использования достижений научно-технического прогресса исключительно в мирных целях, принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом, в частности, в деле поддержания международного мира и безопасности. Столь обширные задачи авторы предлагают решить в конвенции, состоящей всего лишь из 10 статей, 5 из которых являются техническими, и лишь 5 содержат непосредственно обязанности государств-участников, описанные лишь в самом общем виде. Их положения, безусловно, нуждаются в дальнейшей доработке.

Прежде всего, необходимо обратиться к самому понятию инфосферы, на основе которого построен проект конвенции. В ст. 3 проекта авторы излагают его следующим образом: "компьютеризированным образом организованный информационный ресурс (совокупность общих и специальных программных средств создания, обработки и хранения компьютерных данных, и собственно компьютеризированных данных) являющийся достаточным и необходимым для устойчивого функционирования критических, а равно и стратегических оборонных систем, находящихся под юрисдикцией или дислоцирующихся (эксплуатирующихся) на территории государств-участников Конвенции" [20]. В двух приложениях к проекту авторы дают перечни критических и стратегических оборонных систем, которые являются объектами обязательств государств-участников. К критическим системам они относят системы правительственной связи, системы финансового, энергетического, транспортного управления, обес-

печения опасных производств, таких, как атомные, биологические. К стратегическим оборонным системам они относят информационные системы военного применения. Таким образом, авторы проекта ограничивают понятие инфосферы государственными оборонными и стратегическими информационными ресурсами.

Возникновение этого термина связывают с именем российского ученого, академика РАН Н.Н. Моисеева [21], крупного специалиста по механике и вычислительной математике, который известен исследованиями в области математического моделирования экосистем и взаимодействия человека и природы. В частности, именно им разработана теория ядерной зимы, которая во многом изменила мир. Инфосфера в его понимании - область циркуляции информации на территории Земли [21]. Он связывает возникновение инфосферы с возникновением биосферы, генетической информации, затем разума, речи, письменности, и, наконец, иных видов информации.

В Москве под эгидой ЮНЕСКО прошли три сессии конференции "Эволюция инфосферы" [22]. На первой сессии Н.Н.Моисеев изложил приведенное выше понятие инфосферы. Аналогичное понимание изложено и в отчете Всемирной комиссии по этике научного знания ЮНЕСКО об этике информационного общества: "нам нужно сформулировать этику информации, которая бы охватила мир данных, информации, знаний и коммуникации как новую среду, инфосферу" [23]. В указанном докладе это понятие раскрывается достаточно подробно: "Инфосфера это не географическое, не политическое, не лингвистическое пространство. Это пространство разумной жизни, от образования до науки, от культурного выражения до коммуникации, от торговли до отдыха... Границы инфосферы проходят через Север и Юг, Запад и Восток, индустриальные и развивающиеся страны, политические системы и религиозные традиции, поколения молодых и пожилых, и даже могут разделять членов одной семьи" [23].

Как мы видим, интерпретация этого термина гораздо шире, чем это заложили в текст проекта конвенции ее авторы. Можно сказать, что понятие инфосферы аналогично, или даже более широко, чем понятие глобального информационного пространства. В связи с этим возникает два возможных варианта совершенствования проекта Конвенции: если оставить ее объектами лишь государственные компьютеризированные информацион-

ные системы, связанные с критическими и стратегическими ресурсами, следует отказаться от применения термина "инфосфера", и более четко сформулировать ее область применения, например как "критические и стратегические оборонные информационные ресурсы". Но военное воздействие на инфосферу в том понимании, в котором оно заложено Н.Н. Моисеевым также возможно и также несет разрушительные последствия. Достаточно сказать, что террористические акты, которые были совершены в Москве, Нью-Йорке и Вашингтоне, очевидно, имели цель не столько в гибели конкретных людей, сколько в воздействии на информационное общество. Не секрет, что вооруженные конфликты всегда сопровождаются информационными войнами, в том числе и нарушением функционирования отдельных информационных ресурсов. В связи с этим представляется необходимым в проекте конвенции расширить ее предмет, поставить под защиту мирового сообщества все информационное пространство, или инфосферу, во всяком случае, его основные принципы.

Суть проекта конвенции в ее нынешнем виде состоит в добровольном принятии государствами-участниками обязательств, согласно которым они отказываются от военного или иного враждебного воздействия на критические и стратегические оборонные информационные ресурсы государств-участников на взаимной основе. В своем докладе авторы предложили подписать такое соглашение с Белоруссией и сделать его открытым для присоединения других государств [24].

Проект содержит следующие добровольные обязательства государств:

- не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию способов и средств воздействия на инфосферу, которые имеют широкие долгосрочные, или серьезные разрушительные последствия;

- не поощрять и не побуждать ни прямо, ни косвенно любое государство, группу государств, международную организацию, а также физических лиц к осуществлению деятельности, противоречащей приведенному выше положению;

- обеспечить минимально возможные условия военного или иного враждебного воздействия на собственную инфосферу;

- консультироваться и сотрудничать друг с другом в решении любых вопросов, которые могут возникать в отношении целей или в

связи с выполнением положений конвенции, и другие.

Представляется, что следует принять несколько иную концепцию документа, и расширить предмет конвенции до общепринятого понятия инфосферы. В таком случае этот документ имеет шанс стать важнейшим в развитии глобального информационного общества и ему будет обеспечена более широкая поддержка государств, чем документу, направленному исключительно на оборонные функции. В международном праве настает момент, когда необходимо закрепить принципы глобального информационного общества и инфосферы и защитить их от преступных посягательств. В таком случае в перспективе возможно превращение норм конвенции в универсальные нормы-принципы международного права в области информации.

Прежде всего, обязательства государств-участников должны касаться запрета на военное или иное враждебное воздействие на глобальное информационное пространство, включающее в себя не только закрытые информационные системы государств, но и открытые публичные средства информации и коммуникации. Дезорганизация работы таких средств или иное широкое информационное воздействие на людей влечет, во-первых, нарушение прав человека на информацию, а во-вторых, может повлечь не менее серьезные последствия, чем разрушение государственных систем управления. Многие элементы этого воздействия уже осуждены мировым сообществом в значительном числе международных документов речь в которых идет, как правило, о пропаганде запрещенных идей. Но проект конвенции может стать документом, объединяющим отдельные элементы в общее целое. Такое обязательство будет укреплять принцип использования достижений науки и техники в мирных целях.

Кроме того, проект конвенции может закрепить и принцип, согласно которому государства признают на своей территории существующие в мирных целях глобальные информационные сети, который исследован в уже упоминавшейся здесь работе В.П.Талимончик. Следует дополнить, что не только признание таких сетей, но и признание самого единства информационного пространства и его неделимости важны в этом вопросе. В этой связи в проект конвенции следует внести положение, что установление барьеров в таких сетях, а значит и ограничений на свободу информации на территории государств-участников в соответствии с этим

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

принципом допустимо лишь в целях и в пределах, установленных международным правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22.7.00. Указ. ист.
2. M. Heim. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / Ed. Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth. Meckler. Westport and London (1991), p. 27-33 / Перевод с английского М. А. Дзюбенко (Доступно в Интернет по адресу: <http://seventh.boom.ru/phil/virtual.txt>).
3. Darrel Menthe, Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces // 4 MICH. TELECOMM. TECH. L. REV. 69 (1998), Доступно в Интернет по адресу: <http://www.mttl.org/volfour/menthe.html>
4. AMERICAN CIVIL LIBERTIES UNION et al.: решение ВС США от 25.06.97.
5. Официальная страница в Интернет <http://www.hcch.net>.
6. Доступ в Интернет по адресу: <http://www.hcch.net/e/conventions/draft36e.html>
7. Боумен Л. (Lisa M. Bowman). Международный договор - угроза интернету?
8. Грохальски С.М. Свободное движение информации и международное право.
9. Шевцова С.О. Использование средств массовой информации в свете принципа государственного суверенитета // Автореф. ... канд. юрид. наук.
10. Законодательство и практика средств массовой информации // ЗИП-Телеком (темат. прил) – 1999. - Вып. 2, июль.
11. Ethan Gutmann. Who Lost China's Internet? // The Daily Standard. February 25, 2002. Доступно в Интернет по адресу: <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/000/922dgmt.d.as>.

12. Борисов К.Г. Правовые формы партнерства Европейского Союза в сфере коммуникаций и информационных услуг // Московский журнал международного права 1998. N 2.- С. 86
13. Собакина Е.В. Международная коммуникация и международное право // Государство и право. - 1990. - N 6.
14. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. - М., 1995.
15. Барлоу, Джон Перри. Декларация Независимости Киберпространства. - Доступно в Интернет по адресу: <http://www.eff.org/Barlow>.
16. Клименко Б.М. Общее наследие человечества (международно-правовые аспекты). - М., 1989.
17. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. - М., 1998.
18. Расторгуев С.П. Информационная война. - М., 1998.
19. Юсупов Р.М., Пальчун Б.И. Обеспечение безопасности компьютерной инфосферы // Вооружение. Политика. Конверсия. - 1993. - N 3.
20. Док. ООН A/RES/31/72. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976.
21. Ратнер В.А.. Памяти академика Н.Н. Моисеева. Текст доступен в Интернет по адресу: http://www.bionet.nsc.ni/vogis/win/l314/13_5.html
22. Материалы конференции частично опубликованы в Интернете по адресу: <http://nnmoiseev.narod.ru/conference.htm>.
23. Отчет Всемирной комиссии по этике научного знания ЮНЕСКО об этике информационного общества. Доступно в Интернет по адресу: http://www.unesco.org/ethics/en/Documents/Reports/Rep_InfoSoc_Fin_010711_E.p
24. Ефимов А.И., Лукашкин А.Н., Пальчун Б.П., Юсупов Р.М. Указ.соч.